

Образ белого господина, лихо гарцующего на горячем скакуне, произвел на господина Цзиня столь сильное впечатление, что он в корне неверно оценил выносливость Бай Сяое. Вспоминая позже тот свой поступок, он испытывал жгучий стыд.

Тогда, в тот вечер, Бай Лушэн в полузабытьи сдерживал слезы, и Цзинь Шиань, хоть и чувствовал невольное сочувствие, обладал слишком малым терпением. К тому же, будучи одержимым идеей собрать команду, он, не особо церемонясь, немного успокоил его и решил, что Лушэн пришел в себя. Он взял со стола календарь и максимально доступно принялся объяснять:

— Посмотри, какой сейчас год?

Лушэн, затуманенным слезами взглядом, ответил:

— Девятнадцатый год Республики.

— Нет, мы же по григорианскому календарю. Какой это год?

Лушэн, все еще пребывая в прострации, пробормотал:

— Тысяча девятьсот тридцатый.

— Вот именно, — Цзинь Шиань начертил на календаре новую цифру. — Приветствую, мой друг. Я из две тысячи двенадцатого года. По идее, я должен звать тебя дедушкой.

Лушэн в ужасе уставился на него, лицо его мгновенно побелело.

Цзинь Шиань не придавал значения его выражению лица: разочарован — ну и ладно, поворчит немного, да успокоится. В конце концов, то, что он сам, в теле господина, остался жив — для Бай Лушэна скорее хорошая новость: во-первых, не нужно нести бремя убийства, во-вторых, рядом теперь новый, дружелюбный господин. Одним словом, раз уж так вышло, хочешь не хочешь, а придется плыть в одной лодке. Он, склонившись над календарем, продолжал:

— У нас с твоим господином сложные отношения. Тело — его, но внутри уже не он. Смотри, я нарисую схему: моя идея в том, чтобы мы объединились...

— А где же господин?

— Кто знает, может, помер, — Цзинь Шиань не был мастером утешений, и, договорив, сам понял, что ляпнул лишнее. — Ну, в общем, его здесь сейчас нет. Можешь считать это тем, что называют... возвращением души в чужое тело.

— Возвращением души? — Лушэн резко вскочил и схватил Цзинь Шианя за рукав. — Ты сказал, что ты в чужом теле?

— Ну да. У нас это называют перемещением во времени.

Бай Сяое застыл, словно изваяние, будто из него вынули душу.

Цзинь Шиань решил, что тот просто не понял термина, почесал затылок и попробовал иначе:

— Это трудно объяснить. Просто считай меня новым господином. Я не буду с тобой так же жесток, по крайней мере, не заставлю тебя плакать каждый день.

Лушэн не слушал. Одно только слово «тело» отозвалось в нем ледяным ужасом. Он отступил на два шага, у него не осталось сил даже поднять голову.

Господин Цзинь умер, и виноват в этом он сам. Он пришел сегодня ночью, чтобы поиздеваться, притворяясь безумным, чтобы отплатить за все прежние обиды и холодность — кто бы мог подумать, что догадка окажется верной! В одно мгновение его словно бросило в пучину океана: волна за волной, мир рушился, а холод сковывал тело. Былая нелюбовь, нынешние страдания — все смешалось. Любовь это или ненависть — неважно. Он думал лишь о том, что из-за своих эгоистичных чувств погубил человека и разрушил дом Цзиней. В этот миг ему даже расхотелось умирать, ибо душа его уже горела в аду.

Цзинь Шиань, видя, что Бай Сяое понурился и оцепенел, помахал рукой перед его лицом:

— Ты чего приуныл? Послушай, тело-то все еще его, считай, что он почти и не умирал, понимаешь?

С глухим стуком Бай Сяое без чувств повалился на пол.

Цзинь Шиань в ужасе воскликнул:

— Эй, дружище, держись! Я не то сказал, успокойся! — Он не ожидал такой бурной реакции. Он начал приводить его в чувство, растирая виски и хлопая по щекам, но Бай Лушэн лежал неподвижно, челюсти сжаты, дыхание едва уловимо, а тело стремительно остывало. Цзинь Шиань в панике закричал: — Дядюшка Чжоу! Тетушка Лю! Сюда! На помощь!

Слуги, услышав крики господина, бросились на зов. Завидев лежащего без чувств Лушэна, они заметно успокоились. Чжоу Юй проговорил:

— Ничего страшного, господин, не волнуйтесь, это у него ломка. — Он обернулся к тетушке Лю: — Скорее несите трубку, пусть сделает пару затяжек, и все пройдет.

Цзинь Шиань не понял:

— Чего сделать?

Чжоу Юй помог поднять Лушэна и приказал слугам уложить его на тахту:

— Вы, должно быть, забыли, господин Сяое курит опиум. Видимо, сегодня не курил, вот и накрыло. Я напою его водой, а вы идите отдохните.

— ...Что ты сказал?!

У господина Цзиня голова шла кругом.

Все его представления о республиканской эпохе сводились к двум вещам: война и ципао. Он знал о том времени только из дешевых сериалов, где все героини щеголяли в платьях и страдали от неразделенной любви. И только сейчас он вспомнил: в те времена опиум был легален, его курили почти все.

В одно мгновение симпатия к Бай Лушэну улетучилась. Пусть он силен, умен, красив и дерзок, но как можно строить команду с наркоманом? Неудивительно, что господин Цзинь относился к нему плохо — ты же просто истеричка! Страдать от любви — это понятно, но добровольно губить свою жизнь наркотиками?

Чжоу Юй, заметив гнев на лице господина, съежился. Цзинь Шиань прошипел:

— Как давно он этим промышляет?

Чжоу Юй втянул голову в плечи:

— Да года два уже... У Сяое ведь здоровье слабое, только после этого и оживает.

Оживает он, чтоб тебя! Ты посмотри, он же в скелет превратился! Эти негодяи-слуги, потакают ему в этом преступлении. Цзинь Шиань с трудом сдерживаясь, спросил:

— Пытались отучить?

Чжоу Юй заерзал:

— Ну... мы знали, что вы не одобряете, но разве это так просто бросить? Когда вас нет, он даже не ест. Если не дать ему затянуться, его даже водой напоить невозможно. — Он опустил глаза в пол. — В конце концов, денег нам хватает, можем себе позволить.

Цзинь Шианю захотелось его ударить.

В ту ночь в доме Бай не спал никто. Бай Лушэн не пришел в себя даже после дозы, напротив, его начало лихорадить, он то плакал, то смеялся. Цзинь Шианя воротило от этого зрелища, но

уйти он не мог — да и некуда было. Бай Сяое принимал его за своего возлюбленного, обнимал, рыдал, кусался. Когда Чжоу Юй предложил дать еще одну порцию, Цзинь Шиань сбил трубку с рук.

— Какая еще порция! Пусть орет, я хочу посмотреть, подохнет он без этой дряни или нет!

Тетушка Лю упала на колени:

— Сяое не сам к этому пришел, его подставили! Разве можно так резко бросать? Пощадите его хотя бы этой ночью! Вы посмотрите на себя, весь в синяках, как мы покажемся господину дедушке?

Цзинь Шиань, обнимая извивающегося Лушэна и чувствуя на себе следы зубов и ногтей, немного остыл. Оказывается, его подставили. Что ж, это еще можно понять. Но ведь подставили один раз, а он травится годами? В конечном счете, у него просто не хватило воли. Он посмотрел на Лушэна: бить — рука не поднимается, ругать — бесполезно, бросить — жалко.

Сжав зубы, он схватил Лушэна за руки:

— Сказал нет, значит нет! Все вон! Я хочу посмотреть, на сколько кусков он меня разорвет!

Цзинь Шиань навсегда запомнил ту ночь. Это было совсем не похоже на киношные сцены. Опиум вливали в него насильно, слуга подпирал его подбородок, заставляя вдыхать дым. Цзинь Шиань почувствовал, как в груди закипает злость:

— Убери морду подальше! Сам куришь, что ли? Убью!

Глядя на полуживого Лушэна, лежащего на тахте, он вдруг понял, что значит старое общество, пожирающее людей. Здесь не только угнетение и эксплуатация, здесь разложение и моральное гниение. Любовь мучает человека, но еще сильнее мучает эта непонятная эпоха, где верхи и низы одинаково слепы. Все они живут в тине. Какими бы яркими ни были молодость, чувства, благородство — в таких условиях все медленно превращается в грязь.

Этой ночью он чувствовал боль не только в теле, но и в душе. Он ощущал себя одиноким пророком в мире безумцев: все вокруг неправы, и только он один знает истину. И самое страшное, что все привыкли к этому злу, а он беспомощен. Что делать? Уйти, спасая себя, или протянуть руку, чтобы спасти этот белый лотос из тины? Гнев его не находил выхода, и он ударил по столу:

— Это в последний раз! Еще раз увижу — голову отверну!

Черт возьми, ну и напарник... Придется тянуть эту лямку, даже если придется ползти.

Лушэн открыл глаза. Он лежал в постели.

Это была кровать господина Цзиня. Он узнал этот полог — в детстве они часто лежали здесь рядом и разговаривали.

Лушэн повернул голову и встретился взглядом с гневными глазами Цзинь Шианя. При виде этого лица все события прошлой ночи разом всплыли в памяти.

Сердце его замерло, и по щекам снова покатились слезы.

Цзинь Шианя его слезы только раздражали.

— Плачешь? У тебя еще хватает совести плакать? — Он вытянул руку, покрытую яркими следами зубов. — Смотри, что ты наделал. Я что, такой вкусный? — Он оттянул воротник. — От плеча до груди, обе руки искусал! Дружище, я понимаю, ломка, но кусать меня — это уже перебор! Мне теперь в футболках ходить нельзя? Если бы я не защищался, ты бы меня вообще до костей обглодал.

Он думал, что попадание в другой мир — это приключение, а оказалось — нашествие зомби. Даже в фильмах такого не снимают, это просто безумие.

Бай Сяое, пристыженный и убитый горем, превратился из дикого скакуна в хрупкую Линь Дайюй. Бай Дайюй молчала, лишь слезы беззвучно текли по его лицу.

Цзинь Шиань не оставлял надежды на объединение. Вспоминая вчерашний разговор, он понял, что не выложил главный козырь. Он ведь все придумал, но из-за истерики Лушэна забыл. Он подтолкнул Лушэна:

— Перестань выть, я должен кое-что сказать.

Лушэн не слушал, он лишь тихо всхлипывал:

— Что еще говорить... Возьми веревку и удави меня, так будет правильнее!

Ну вот, пошли цитаты из классики, ты что, в ребенка превращаешься?

— Я еще с тобой за опиум не разобрался, а ты уже тут в героинь трагедий играешь!

Цзинь Шиань взорвался:

— Слушай, а точнее, дедушка — по возрасту ты мне в дедушки годишься, — Бай Сяое, дедушка Лушэн, можешь ты успокоиться? Ты мужчина или кто? Почему чуть что — сразу слезы? Ты что, исток Янцзы? Нельзя хоть немного гордости иметь?

Дайюй-Лушэн не унимался:

— Мои слезы — не твое дело! У меня нет лица, чтобы смотреть на свет, убей меня скорее, я должен искупить свою вину!

— Вон стена, бейся, если хочешь.

Дайюй-Лушэн, задыхаясь от рыданий, попытался встать с кровати:

— Я пойду к дедушке, я не позволю ему жить в неведении!

Господин Цзинь сдался.

Он холодно посмотрел, как Бай Лушэн, шатаясь, ползет к краю кровати:

— Твой господин не умер. Я знаю, где он. Клянусь, если вру, пусть меня гром поразит.

Дайюй-Лушэн мгновенно замер.

8| Союз

Бай Лушэн всю ночь молил о смерти, мечтая лишь об одном — услышать, что господин жив. Услышав это, он не смел поверить, но в его душе забрезжил крохотный лучик надежды. Он перестал кричать, перестал плакать, вцепился в руку Цзинь Шианя и смотрел на него, не смея даже спросить, правда ли это.

Цзинь Шиань отцепил его пальцы:

— Говори словами, не надо меня лапать.

Лушэн не обратил внимания на его грубость, слезы снова покатались из глаз:

— Брат, что ты хочешь? Я сделаю все, только скажи, где господин?

...Сделаю все, да что ты сделаешь, я же не могу этим воспользоваться! Цзинь Шиань поморщился:

— Скажу, если пообещаешь больше не реветь.

Лушэн поспешно вытер слезы:

— Не буду, не буду, говори!

— Задерни шторы, закрой дверь, это очень секретно.

Лушэн на мгновение замешкался, в глазах промелькнул испуг.

Цзинь Шиань выругался:

— Слушай, я серьезно хочу обсудить важное дело, а не спать с тобой. Ладно, сам сделаю.

Бай Сяое, в конце концов, оставался Бай Сяое. Слова Цзинь Шианя привели его в чувство, он встал, закрыл дверь и задернул шторы:

— Говори.

Цзинь Шиань взглянул на его настороженное лицо:

— Ты меня всю ночь кусал, теперь я должен с тобой стоя разговаривать? — Он похлопал по подушке. — Иди сюда, ложись.

Оказалось, Цзинь Шианю дважды приснилось, что он вернулся в 2012 год, но там он вел себя странно. Сопоставив это с прочитанными романами, он понял: это «обмен телами». И он, и господин Цзинь живы, просто произошла ошибка.

Если он не ошибается, настоящий господин Цзинь сейчас живет в 21 веке, наслаждаясь жизнью в качестве председателя корпорации «Хайлун».

Цзинь Шианя перекосило от зависти. У того — удача, стал президентом, а у него — сплошное невезение: мало того, что в чужом теле, так еще и вынужден объединяться с Дайюй-Лушэном.

Романы научили его находить «золотые пальцы», но не научили, как вернуться назад. Цзинь Шиань очень хотел домой, хотел вернуть свое тело, но пока это невозможно, нужно выжить в этом мире, где вот-вот начнется война. Раз они обменялись телами, значит, между ними есть неразрывная связь.

И это — лучший козырь, чтобы прижать Бай Дайюй к ногтю.

Он попытался написать сообщение из сна: «Осень прекрасна, нет ли у вас времени заглянуть ко мне?» — и спросил Лушэна:

— Чай, который любил твой господин, у него листья крупные, вода зеленая, и они стоят в чашке, как водоросли?

Лушэн прошептал:

— Это Хоукуй.

Увидев сообщение, написанное Цзинь Шианем — в десяти иероглифах пять ошибок, явно писал

человек, не особо сведущий в грамоте, — он узнал почерк и манеру речи господина Цзиня.

Цзинь Шиань расстегнул изорванную одежду:

— Посмотри на шрам на груди, это не ты его оставил? Знаю, звучит дико, я бы сам не поверил, но верь или нет — дело твое.

Лушэн молчал.

Раз уж существует перемещение во времени, почему бы не поверить в обмен душами?

Цзинь Шиань, видя, что тот колеблется, решил надавить:

— Ты можешь меня убить, можешь позвать дедушку Цзиня, чтобы он со мной разобрался, но уверяю тебя: если умру я, твой господин тоже отправится на тот свет.

— ...Отправится?

— Да, мы связаны судьбой! Я жив — и он жив.

Бай Сяое, похоже, купился, в глазах появился страх.

Они оба были хороши: один врал без всякого мастерства, другой верил без всякой логики. Цзинь Шиань с неловкостью подумал, что с такой командой они вряд ли освободят Китай, скорее всего, провалятся, едва выйдя на улицу Жунчжуан.

Он решил исправить положение:

— Я видел, как ты вчера страдал. Он ведь тоже был перед тобой виноват. Но раз уж ты так по нему тоскуешь, не лучше ли пожелать ему счастья там, а заодно... позаботиться обо мне?

Последняя фраза прозвучала нелепо — просить «бесполезного напарника» о помощи. Цзинь Шиань чувствовал стыд.

Честно говоря, Бай Лушэн ему не нравился — слишком много проблем, и неизвестно, исправится ли он. Но выбора не было.

Он решил попробовать — хотя бы ради себя.

Пока он размышлял, Лушэн тоже был погружен в мысли. За эти пару дней он пережил столько, сколько другим не вынести за всю жизнь. Разве он не плакал каждый день? Разве не мучился годами? Теперь же, после всего пережитого, слез не осталось. Десять лет они были знакомы, и

чаще ссорились, чем мирились. Это была какая-то злая судьба!

Он внимательно посмотрел на Цзинь Шианя. Лицо то же, но выражение совсем иное. Грубость и вульгарность человека перед ним вызвали отторжение, но ведь он сам его покалечил! Видя его добрые намерения и терпение — ведь благородство не в форме, а в душе — он почувствовал, что слишком предвзято относился к нему.

С этой мыслью он вздохнул.

Цзинь Шиань, услышав вздох, втянул голову в плечи. Безумств он не боялся, боялся этих дамских страданий. Он молчал, не смея давить, лишь смотрел на него.

Оба они чувствовали неприязнь, но в то же время начали ценить остатки порядочности друг друга. Лушэн решил: будь что будет, не стоит так придирааться, иначе только сам себя изведешь. Разве мало он страдал за двадцать лет? Пусть этот человек говорит правду или лжет — какая разница? Не стоит видеть в нем кого-то другого, пусть будет господин, начавший жизнь заново, пусть и немного изменившийся!

Он сел и сказал лишь три слова:

— Я согласен.

Коротко, но твердо. Цзинь Шиань почувствовал, что Бай Сяое сейчас похож на мужчину. Он кивнул:

— Не спеши. У меня есть еще одно условие. Если сможешь — будем ладить, если нет — катись к черту.

Лушэна это позабавило. Манеры у него не как у бедняка, но почему речь такая грубая? «Дерево молодое, стена новая, а картина не старая» — это явно про него, может, он просто нувориш? Он невольно улыбнулся:

— Слушаю вас.

Цзинь Шиань застыл.

Сколько раз они виделись, Лушэн всегда был в слезах или гнев, он никогда не видел его улыбки. Сейчас, с опухшими глазами и бледным лицом, эта слабая улыбка была похожа на первый весенний цветок в снегу. Ему показалось, что он уже видел эту улыбку. Вспомнил: Лушэн в саду под луной говорил ему: «Я с тобой».

— Оказывается, это было во сне.

Лушэн, заметив его пристальный взгляд, смутился:

— Почему молчишь? Чего на меня смотришь?

Цзинь Шиань поспешно отвел глаза и невнятно пробормотал:

— Я просто хотел сказать...

— Что?

— Что тебе идет улыбаться. Всяко лучше, чем плакать.

<http://bllate.org/book/19790/1950113>